

ВРЕМЯ И МЕСТО

Народный любимец Голос спортивного комментатора Котэ Махарадзе слышали миллионы

СЕГОДНЯ БЛЕСТЯЩЕМУ АРТИСТУ, ВЕЛИКОМУ СПОРТИВНОМУ КОММЕНТАТОРУ КОТЭ МАХАРАДЗЕ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 80 ЛЕТ.

Юрий Симонян Тбилиси

До сих пор почти при любой трансляции футбольных матчей я ловлю себя на том, что подсознательно ожидаю его неповторимого, с легкой хрипотцой баритона. Не благодаря ли его потрясающим комментариям футбол для меня, и не исключено, что и для многих тысяч людей, с детства стал спортом номер один и по сей день им остается? Несомненное везение – мне дважды довелось интервьюировать Котэ Махарадзе.

Футбол – это таинство

Первая встреча с ним состоялась в 1986 году. Тогда только закончился мексиканский чемпионат мира, и я, начинающий журналист, предложил руководству молодежной газеты сделать интервью с Котэ Махарадзе, освещавшим это главное футбольное событие. Впрочем, интервью могло не получиться – во рту пересохло, язык прилип к небу, подготовленные вопросы вылетели из головы. Махарадзе, очевидно, понял мое состояние и сам начал расспрашивать о моих мексиканских впечатлениях. На том чемпионате всех и вся затмила игра Диего Марадоны. «Да, нам несказанно повезло – мы стали свидетелями утверждения гения», – согласился Котэ Иванович. Потом он сетовал на забитый им гол рукой англичанам: «Если не что-то другое, то именно это может помешать аргентинцу стать новым королем футбола». Он размышлял: что думало Марадоной в тот момент, как будет Марадона в дальнейшем объяснять свое действие, вспоминал схожие моменты, проводил аналогии и пытался найти ответы на свои же вопросы. «Я люблю футбол, потому что помимо всего это таинство...» Он не мог, например, разгадать феномен своего любимца Давида Кипиани. И сокрушался, почему, несомненно, один из лучших (если не лучший) футболистов СССР середины 70–80-х годов никак не может раскрыться в сборной, тушуетсЯ из раза в раз, словно начинающий. «Я не раз спрашивал и у Давида, почему так происходит, и он тоже не может объяснить... Вот вам еще одна загадка!» – с досадой сказал он.

Таких «загадок» у Махарадзе была целая коллекция. Он с удовольствием вспоминал, как капитан тбилисцев Шота Яманидзе, вышедший на замену с травмой в матче против киевского «Динамо», вдруг преобразился, куда-то исчезла хромота, и он спас безнадежно проигрываемую игру. «А вот обратный пример, – и Котэ Иванович с непередаваемыми интонациями рассказывает о провале любимых динамовцев в тогда еще Ленинграде – 0:5. – И это при том, что заряженность на игру была необыкновенной. Все были в форме. Сам лично слышал, как клялись сделать все для победы. Что произошло – никто из ребят объяснить не мог».

Интонации, акценты... увы, их на бумаге не передать. Как описать голос Махарадзе, когда он вспоминал дюссельдорфский вечер 13 мая 1981 года, когда тбилисские динамовцы одержали историческую победу в Кубке обладателей кубков? В нем звучали и восторг, и гордость, и благоговение. А во время нашей второй встречи (состоялась она уже лет через пятнадцать) звучала и горечь: «Первый гол забил тогда Вова Гугаев – осетин, второй – абхазец Виталий Дараселия...» Его – истинного патриота Родины, просто убивало произошедшее. Братоубийственные войны в Южной Осетии и Абхазии, напряженные отношения с Россией... К тому времени он уже написал первое открытое письмо к российскому руководству во главе с Борисом Ельциным. Котэ Махарадзе искренне, даже немного наивно полагал, что его голос, который слышали миллионы людей, будет услышан и российским руководством, что его призыв, сравнимый по эмоциональной заряженности с известным призывом Юлиуса Фучика, блестяще отыгранного им на сцене, будет воспринят в Москве и что взаимоотношения пойдут на поправку, что политики очнутся и перестанут смотреть друг на друга как на врагов...

Котэ Махарадзе с горечью вспомнил, как в 50-х нечестным судейством в последнем туре были отобраны завоеванные было золотые медали союзного первенства у тбилисского «Динамо», а за несколько лет до того динамовских лидеров – легендарных Бориса Пайчадзе и Гайоза Джеджелова – вызвал к себе могущественный грузин Лаврентий Берия и интересовался делами в команде, но когда футболисты заикнулись о подчас предвзятом судействе в пользу московских команд, мешающем «Динамо» выиграть союзное первенство, нарком буквально взревел: «Москва должна быть и всегда будет впереди!», после чего многие тбилисские динамовцы едва не закончили с футболом... «Даже малейшие безвинные на первый взгляд реплики в эфире становились предметом разбирательств ТАМ», – улыбнулся Махарадзе. Один раз его чуть не отстранили от эфира за комментарий матча с участием ереванского «Арарата». А сказал-то всего ничего: «Хорошо играют армянские футболисты». Комментатору было указано, что они в первую очередь советские футболисты.

«Траектории мяча и Белова не совпали»

Котэ Махарадзе был шепетилен до крайности. Он отказался, например, по моей просьбе составить сборную мира за всю историю футбола: «Вдруг кого-то забуду». А на аналогичную просьбу о грузинской сборной, артистично всплеснув руками, рассмеялся: «Боже упаси! Давайте лучше к сборной мира вернемся!» И, взяв ручку с бумагой, на манер тренера стал расписывать футболистов по позициям, бормоча под нос: «В воротах – Лев Иванович Яшин... хотя многим нравится Бэнкс... в центр – Мур... без Беккенбауэра никак нельзя...» Когда состав был готов, Котэ Махарадзе сказал: «У меня появилась идея – буду писать в ФИФА, чтобы команды состояли из 13 футболистов. В моей не хватило мест Диди и Гарринче, а какая сборная мира без них?» За эту мягкость, за осторожность в выборе

В разгар чемпионата мира 1978 года в Аргентине он в телеэфире назначал свидания жене – актрисе Софико Чиаурели

слов и характеристик, за готовность оправдать или хотя бы с юмором отозваться о неудачных действиях спортсменов (помните хрестоматийное: «Траектории мяча и Белова не совпали?») и любил Махарадзе, можно без преувеличения сказать, все спортсмены необъятного Советского Союза. Он стал для них своеобразным талисманом, и футболисты искренне считали, что если матч будет комментировать Котэ Махарадзе, то удача будет на их стороне. Только как это, на чьей именно стороне? Если и киевские динамовцы, и ереванские аратовцы, не говоря уже о родных тбилисцах, считали его «своим», а играть предстояло между собой? Зато проблем в этом плане не было, когда играла сборная СССР. Проблемы возникали у самого Махарадзе.

Котэ Махарадзе любил, можно без преувеличения сказать, все спортсмены необъятного Советского Союза. Фото ИТАР-ТАСС

Тринадцать минут

Как правило, почти все главные тренеры сборной, отчасти суеверные, настаивали, чтобы матч комментировал Махарадзе. Партийные боссы искали в этом какие-то подводные камни: загранкомандировка, а комментировать опять Махарадзе – не то чтобы идеологически непроверенный, а чересчур вольный, мало говорящий о заслуге партии в спортивных победах... «Ну, я иногда сам давал повод, чтобы не совсем доверяли, мог и «похулиганить» в эфире». И Котэ Иванович вспомнил, как в разгар чемпионата мира 1978 года в Аргентине он в телеэфире назначал свидания жене – актрисе Софико Чиаурели: «До отъезда в Аргентину мы разработали систему кодов. О ней знали мы вдвоем, и я во время репортажа пользовался условными словами... Во время репортажей мне несколько раз пришлось сказать, что до конца матча осталось 13 минут. Так потом допрашивали – чего это Махарадзе к этим 13 минутам каждый раз цеплялся».

Отношение к жене у него было особенно трогательное. Зная, что она любит листопад, он буквально засыпал Театр имени Марджанишвили, где она работала, осенней листвой. Он любил и ценил красоту во всем и сам старался все делать красиво. Даже редкая критика в его исполнении была красивой: «Проблема современных комментаторов не в отсутствии эрудиции, таланта, а в том, что они либо оказываются чрезмерно вовлеченными в действо, становясь его частью и растворяясь в нем, либо чрезмерно отстраняются от него, превращаясь в равнодушных наблюдателей». При этом он не мог и не хотел кривить душой и в этом-то кроется причина того, что после выхода тбилисского «Динамо» из союзного первенства он практически перестал комментировать футбол – уровень грузинского чемпионата был низок, а говорить об этом вслух, да еще и тысячам болельщиков...

Традиции – залог возрождения

Постсоветский футбол ему не нравился – не стало классных команд. Лучшие футболисты отбатывали кусок хлеба, хоть и с маслом, в зарубежных командах, большинство из которых по силе были несравнимы с киевским и тбилисским «Динамо», «Спартакoм» и ЦСКА лучших времен. Но Котэ Иванович верил, что футбол на постсоветской территории рано

или поздно возродится: «Через одно или два поколения – не знаю. Но есть традиции, и это залог ренессанса». А пока: «Играют две никудышные сборные и ничего особенного, никакого иного смысла здесь искать не надо» – эту непривычно жесткую для него фразу Махарадзе сказал в тот злополучный для себя холодный вечер 2002 года, когда на тбилисском стадионе «Локомотив» в рамках отборочного цикла встречались сборные Грузии и России, поединку которых и в Тбилиси, и в Москве придавали особое значение из-за межгосударственных отношений, обострившихся в очередной раз.

А незадолго до этого вся Грузия в торжественной обстановке отметила 75-летие Котэ Махарадзе. На юбилейном вечере присутствовал президент Эдуард Шеварднадзе, политическая и культурная элита страны. Котэ Ивановичу был вручен второй Орден Чести. Но едва ли не самым памятным в тот вечер стал телефонный звонок российского президента Владимира Путина, поздравившего находившегося на сцене Тбилисского театра оперы и балета юбиляра. Тогда-то Махарадзе написал второе открытое письмо руководству России, на что, по собственному же признанию, его спровоцировало поздравление Путина. Отношения России и Грузии опять подошли к кризисной черте, и опять Котэ Иванович надеялся, что в Кремле его услышат – уж слишком человечным и теплым получилось поздравление российского лидера...

...«Играют две никудышные сборные», – раздраженно сказал Махарадзе. А вскоре на «Локомотиве» погас свет. Электроснабжение восстановить не удалось. Матч перенесли. Буднично так сообщили об этом. Местные чиновники рассуждали о возможных санкциях со стороны вышестоящих футбольных инстанций. А Котэ Ивановича сразил инсульт – неспособность обеспечить проведение футбольного матча в сложное политическое время (тем более, что сложное!) он расценил как позор. Очевидцы, а их в тот «футбольный» вечер по традиции в доме Махарадзе-Чиаурели было много, впоследствии рассказывали, что не видели его столь расстроенным, разнервничавшимся... Говорят еще, что удар сразил Котэ Ивановича в тот момент, когда ему по телефону сообщили, что местные болельщики закидали камнями автобус с российскими футболистами. ■